

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

DOI: 10.34076/2071-3797-2020-4-40-51

Н. М. Добрынин*

О СУЩНОСТИ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

В работе исследуются ключевые характеристики конституционализма в современной России как комплексного социокультурного феномена. Автор исходит из того, что в мировоззренческом контексте конституционализм следует рассматривать в качестве фундаментального принципа, на основе которого обеспечивается формирование согласованного с конституционными ценностями политико-правового режима в государстве. Выделяется несколько базисных условий, прямо и опосредованно влияющих на реальный облик конституционализма в современной России. Подчеркивается, что дальнейшее правовое развитие и модернизация страны серьезно затруднены внешними вызовами, сохраняющейся деформацией массового правосознания в российском обществе, чрезмерной бюрократизацией аппарата публичной власти. Выдвигается тезис о том, что коренное преобразование качества конституционализма в России не может быть осуществлено посредством полномасштабной ревизии норм Конституции РФ. По мнению автора, необходимы лишь точечные изменения Основного закона страны, а претворение в жизнь конституционных идеалов и ценностей возможно только в результате устранения деформаций массового правосознания, обеспечения неразрывной связи правореализационных практик с духовно-нравственными устоями многонационального российского народа.

Ключевые слова: конституционализм, правосознание, политико-правовая культура, общество, народовластие, суверенитет

Конституционализм, безусловно, взаимосвязан с конституционным порядком, установленным основным законом страны: если считать, что конституционный порядок является совокупностью определенных в ценностном отношении идей и воззрений, положенных в основу правопорядка в целом, то конституционализм с практической точки зрения тождествен правопорядку конституционного государства.

Конституция прежде всего устанавливает набор конституционно-правовых институтов, эффективность функционирования которых указывает на существование правового, социального, демократического и в конечном счете конституционного государства, а значит, и конституционализма.

---

* Добрынин Николай Михайлович – профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета, главный научный сотрудник Тюменского научного центра Федерального исследовательского центра РАН (Тюмень), доктор юридических наук, профессор, e-mail: belyavskaya@partner72.ru.

Согласимся с Н. С. Бондарем в том, что «господствующие в общественном сознании оценки конституции, уровень конституционной культуры в обществе и государстве, действенность идей конституционализма определяются в своей основе не самим по себе фактом наличия или отсутствия в государстве юридической конституции (основного закона) и даже не ее „возрастом“ – есть значительно более важные, глубинные – социокультурные – истоки конституционализма»¹.

И. А. Кравец отмечал, что наличие конституции детерминирует реальное существование конституционализма – во многом, но не во всем: «Хотя конституционализм основывается на конституции, самой конституции как правового акта, по всей вероятности, еще недостаточно, чтобы конституционализм стал фактом действительности»². Б. Н. Топорнин указывал, что «правовая система может существовать без конституции, а конституция без правовой системы – немыслимое явление»³. С. А. Егоров писал, что «в стране может наличествовать конституция, но может и не быть конституционализма... Там, где конституционализм является определяющей чертой политического режима, конституция первична – она как бы „предшествует“ государственной власти, а лица, которые находятся у власти, связаны ее положениями как нормами верховного права»⁴.

Тем самым конституционализм может существовать без конституции (что наглядно демонстрирует опыт, например, Великобритании, где писаная конституция в виде единого документа с соответствующим названием по-прежнему отсутствует), однако конституция без конституционализма лишена смысла, ибо становится фикцией. Отсюда следует, что наличие конституции само по себе не детерминирует суть конституционализма, его качественный уровень. Если сегодня в нашей стране по-прежнему, спустя более четверти века после принятия в 1993 г. Конституции, известные ее положения так и не реализованы, то причины этого нужно искать отнюдь не в конституционном тексте.

В настоящий момент ключевая задача, думается, заключается в том, чтобы максимально вдумчиво и рационально, с учетом историко-культурных и (шире) цивилизационных особенностей российского общества развить основополагающие ценности, запечатленные в Конституции России, поскольку именно они выступают базисом общественной солидарности, гражданского мира и согласия (принцип приоритета прав человека, принцип разделения властей, равенство всех перед законом и судом и т. д.).

Мы убеждены, что тем, кто активно настаивает на необходимости переписать российскую Конституцию, опираясь на принцип *tabula rasa*, следует сперва скрупулезно обдумать пути полноценной реализации ее правового потенциала, который, как заметил В. Д. Зорькин, «во многом зависит от того, насколько верно будет определен баланс между стабилизационной и обновленческой функциями Конституции. В конечном счете это вопрос о разумных и эффективных пределах, формах и способах адаптации высоких образцов современного конституционализма к очень сложным реалиям нашей российской жизни»⁵. Особую

¹ Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011. С. 24.

² Кравец И. А. Конституционализм: устойчивость власти и общественного развития. Новосибирск, 1994. С. 9–10.

³ Топорнин Б. Н. Конституционная реформа – путь к правовому государству // Советское государство и право. 1990. № 4. С. 4.

⁴ Егоров С. А. Конституционализм в США: политико-правовые аспекты. М., 1993. С. 9–10.

⁵ Зорькин В. Д. Проблемы конституционно-правового развития России (к 20-летию Конституции Российской Федерации) // Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы

значимость разрешение давней дискуссии о необходимости полного пересмотра Конституции РФ в пользу точечных изменений и дополнений конституционного текста приобретает на фоне внесения конституционных поправок 2020 г.

Статья 2 российской Конституции закрепляет, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. В данной норме фиксируется аксиологический «стержень» Конституции РФ. Одновременно в этом же конституционном положении заключен имманентно адресованный каждому призыв об интерпретации именно с этих позиций любых правовых явлений.

Сущностное содержание современного конституционализма состоит в необходимости основного закона страны исчерпывающе фиксировать систему базисных ценностей гражданского общества, гарантировать их устойчивость в подконституционном правотворчестве, правореализации и правоприменении, обеспечивать их надежную правовую защиту и воспроизводство. При этом очевидно и другое: сегодня конституция любого государства может и должна воплощать соответствующую ценностную систему лишь с учетом логики и объективных условий конкретного этапа общественного развития; иными словами, конституция должна быть результатом общественного консенсуса по поводу ценностных детерминант социального поведения как государства, так и личности.

Представленные доводы позволяют утверждать, что конституционализм – это не просто абстрактное изложение идей, обуславливающих необходимость конституционного регулирования общественной жизни. Конституционализм уместнее воспринимать, во-первых, как воплощение вполне определенной конституционной культуры; во-вторых, как системное наличие в общественном укладе провозглашенных конституционных ценностей, на которых зиждется правовая система в целом; в-третьих, как базисный принцип цивилизации права (пользуясь терминологией В. Д. Зорькина¹).

Конституционные ценности закрепляются в силу того, что они имеют высшую степень важности для общества. Однако за этой первичной стадией провозглашения конституционных ценностей наступает не менее значимая: упомянутые ценности и идеи надлежит воплотить в общественно-политическую практику. При этом важно понимать, что конституция, как правило, фиксирует определенный минимум ценностей, идей, принципов, целей, тогда как остальное – удел практики, в том числе нормотворческой, интерпретационной, правореализационной. Иными словами, за провозглашением конституционных ценностей и их формальным закреплением наступает этап, в рамках которого наблюдается своего рода «состязание» конституционных идей, складываются конкурирующие подходы к их истолкованию и выбору конкретных способов их развития².

В связи с этим резонным видится вопрос: кто именно должен заниматься претворением конституционных ценностей и идей в жизнь? Думается, ответ на него во многом зависит от политико-правового режима в государстве.

Процесс имплементации конституционных ценностей и идей имеет двойственное активное начало: с одной стороны – народ, участвующий в политической жизни страны при посредстве различных форм прямой демократии; с другой – органы публичной власти, осуществляющие публично-властные полномочия. Как отмечает С. А. Авакьян, «в истории конституционного нормотворчества

междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) / отв. ред. В. Д. Зорькин. М., 2014. С. 6–8.

¹ Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России: моногр. М., 2015.

² Авакьян С. А. Конституционализм и бюрократизация власти // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2014. № 1. С. 62.

можно наблюдать три метаморфозы относительно „власти народа“. Первая состоит в ее „идеализации“: закрепляем полноту власти за народом и верим в то, что он в состоянии ее осуществлять. Вторая – это своего рода „идеализм“, довольно быстро переходящий в идеологическое лицемерие: вполне понимаем, что народ не в состоянии осуществлять власть – это делают органы, и в лучшем случае главные из них формирует народ. Третья представляет собой некий гибрид: полагаем, что народ не в состоянии осуществлять власть, да и нельзя ему власть доверять, но „обижать“ народ не хочется, поэтому провозглашаем, что власть принадлежит народу, но тут же добавляем – он ее осуществляет „в лице“ своих органов»¹.

Консонанс во взаимоотношениях социума и органов власти возможен при любом из перечисленных С. А. Авакьяном вариантов, если сформированные народом органы власти пользуются его доверием. Однако не редкость и другой вид «гармонии»: его мы наблюдаем при отчуждении народа от власти, в большей или меньшей степени компенсируемом принуждением общества со стороны представителей этой власти участвовать в делах государства (при том что такое принуждение может касаться реализации вполне демократических процедур, например выборов). Иными словами, происходит, с одной стороны, идеологическая обработка населения, а с другой – часто латентное административное принуждение граждан к реализации ими конституционно провозглашенных политических прав и свобод.

Вероятно, именно такое положение дел дало С. А. Авакьяну основание констатировать: «Порядок формирования органов власти упрощается до такой степени, что „народные“ избранные уже не зависят от народа. В результате народное представительство как составная часть конституционализма разбивается о политические рифы, как морская волна прибоя, налетевшая на бетонные укрепления, и затем отступает в бессилии и разочаровании»². Именно исходя из «понимания возможности появления таких „любителей“ править странами, людьми и родилась известная идея конституционализма о естественном праве народа на сопротивление правителям, ввергающим в пучину бед своих сограждан: причем к этому стоило бы добавить и право на свержение таких правителей. Данный тезис не утратил актуальности и в наши дни, а все разглагольствования о том, что „нам не надо ни революций, ни контрреволюций“, разбиваются о простую истину: не справился, дискредитировал себя – уходи сам, не доводи народ до гнева»³.

Отсюда вопрос: как соблюсти необходимый баланс в отношениях между народом и теми, кого в последнее время принято именовать «элитами»? Как обеспечить, чтобы конституционализм, провозглашенный в нормах основного закона страны, стал подлинным содержанием нормативных установлений, призванных продолжать и развивать конституцию государства, являлся гарантией диалога и доверия между властью и обществом, определял смысл деятельности органов власти, институтов гражданского общества, всех граждан?

Размышляя над обозначенными вопросами, уместно вновь привести ряд суждений С. А. Авакьяна, который отмечает: «Любой ветви власти – законодательной, исполнительной, судебной – неизбежно грозит со временем бюрократизация. Ее проявления заключаются в следующем: забота о себе и расширение своих льгот; увеличение круга своих прав, с одной стороны, и стремление сбросить „трудные“ полномочия на чужие плечи – с другой; попытка уйти от

¹ Авакьян С. А. Конституционализм и бюрократизация власти. С. 62.

² Там же. С. 63.

³ Там же.

ответственности перед другими органами и тем более народом... В итоге, какие бы прекрасные ни были идеи конституции, пришедшие к власти депутаты и чиновники создадут свой „конституционализм“. Его основные проявления будут состоять в том, чтобы законодательный орган власти наполнить депутатами, которых быстро могут сделать послушными, „карманными“, чтобы аппарат исполнительных органов пополнялся себе подобными, претендент на должность уже на стадии приема на работу был готов стать частью корпоративного сообщества, чьи интересы выше чаяний простых людей...»¹

С. А. Авакьян, как представляется, саркастически воспринимает мысль о том, что «современные государства все более и более становятся заботливыми по отношению к личности, что такова миссия государства»². Он констатирует: «Думается, все дело в том, что надо или идти навстречу простым людям, или они перевернут мир своими бунтарскими выступлениями. Чтобы этого не произошло, как раз и рождается некий компромисс: богатство через государство помогает удовлетворению социальных нужд простых людей, а опять же государство вкупе с обществом так организует жизнь людей, чтобы они вели себя умеренно... Каждый субъект процесса не должен „перегибать палку“. Тогда и бюрократия сохранит свои позиции и „питательную среду“ в государственном кармане, и идеи конституционализма будут проявляться в обществе – в относительной многопартийности, свободе слова, манифестаций и т. д.»³.

По нашему мнению, вопрос о субъекте реализации конституционных идей и ценностей заключается не столько в применении норм конституции, сколько в созидании такой социальной среды, в условиях которой ценностные установки конституционных положений имплементируются каждым элементом этой системы как непреложное условие существования этого элемента и социальной среды в целом. Пожалуй, в этом состоит единственная гарантия реализации конституционного порядка.

Для конституционализма крайне важно, чтобы основной закон страны подерживался всем укладом общественно-политической жизни: конституционализм имеет успех лишь тогда, когда он гарантирует достоинство и развитие личности, созидание свободного, политически плюралистического общества и ответственной власти, которая, хотя и преследует цель самосохранения (что свойственно любой публичной власти), осознает, что наиболее верный путь для достижения этой цели – благо собственного народа.

Приведенное умозаключение широко поддерживается в отечественной науке. Так, Б. С. Эбзеев отмечает: «Народ, понимаемый как общность, образуемая всей совокупностью граждан, обладающих избирательной правосубъектностью, выступает первичным субъектом конституционных правоотношений, в которых обязанной стороной являются государство, его органы и должностные лица. На этой идее, составляющей содержательную характеристику народного суверенитета, которая приобрела значение универсального для всякого демократического или претендующего на демократизм государства конституционного принципа, основывается конституционный правопорядок»⁴.

С. А. Авакьян, затрагивая вопрос о суверенитете государства, также исходит из того, что первоисточником всего в государстве выступает в конечном счете

¹ Авакьян С. А. Конституционализм и бюрократизация власти. С. 64.

² Там же. С. 65.

³ Там же.

⁴ Эбзеев Б. С. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Государство и право. 2016. № 4. С. 33.

народ¹. Далее он уточняет: «Не будем отрицать очевидное – до реальной власти народа нам еще далеко, а о своем – государственном – суверенитете обязано заботиться любое государство. Все так. Однако если мы хотим соединить две исторические ценности, суверенитет и демократию, следует говорить о великом достижении человечества – идее суверенитета народа, тем более когда она нашла конституционное воплощение в России»². Тем самым С. А. Авакьян подчеркивает исключительную роль народа как особого и, в сущности, единственного субъекта общественно-политической жизни. При этом идея полновластия народа предстает у ученого в виде объективной, естественно-правовой (надпозитивной и надгосударственной) константы, над которой не властны ни время, ни политические деятели.

В рамках вопроса о полновластии и суверенитете народа Б. С. Эбзеев обращает внимание на следующее: «Конституционализм не сомневается, что в условиях демократической правовой государственности верховенство и полновластие народа, его независимость от любой иной власти носят правовой характер. „Абсолютная“ власть народа есть правовая власть, в действительности обусловленная фактическими условиями и реализуемая в установленных конституцией формах. Следовательно, „суверенная власть народа“ не стоит над правом. Напротив, это – правовая власть, ограниченная в своих пределах правом и осуществляемая в строго правовых формах. Власть народа, оформленная конституционно, становится частью правового порядка, установленного конституцией. В этом смысл воспроизводимых практически конституционализмом естественно-правовых представлений о надпозитивном праве»³.

Но как определить ту черту, при пересечении которой полновластие и суверенитет народа, будучи сугубо правовыми явлениями, могут трансформироваться в нечто антиправовое? Мы убеждены, что эта черта может быть определена прежде всего путем обращения к вопросам правосознания и правовой культуры. Именно они определяют меру нормальности поведения людей в границах правопорядка и именно ими, их качеством обеспечивается сущность этого правопорядка (степень его конституционности), а равно и мера нетерпимости социума к каким бы то ни было проявлениям произвола, ущемлений, дискриминации.

В контексте дискуссии о роли правосознания и правовой культуры как фактора конституционализации российского правопорядка важно обратиться к исследованиям И. А. Ильина, так как учение о правосознании занимает одно из ключевых мест в его трудах.

И. А. Ильин рассматривал правосознание в качестве жизненной среды для государственно-правовых явлений. Свой подход ученый в некотором отношении противопоставлял тезису о «внешней» природе государства и права, отмечая: «...должна быть усмотрена и усвоена их [государства и права] „внутренняя“, душевно-духовная сущность. Право только „проявляется“ во внешнем, пространственно-телесном мире; сферой же его настоящей жизни и действия остается человеческая душа, в которой оно выступает с силой объективной ценности. Государство в своем осуществлении „предполагает“ наличность множества телесно разъединенных людей, теорий и внешних вещей; но именно человеческая душа остается той средой, в которой зарождается, зреет, протекает и государственная жизнь индивидуума, и жизнь государства как единого целого... Усмотреть на-

¹ Авакьян С. А. Точка отсчета – народ // Российская газета. 2006. 26 окт.

² Там же.

³ Эбзеев Б. С. Указ. соч. С. 34.

личность, достоинство и компетентность нормального правосознания – значит найти путь для разрешения всех основных жизненных затруднений, вытекающих из природы права и создающих немало теоретических споров и даже „антиномий“ в юридической науке»¹.

В обоснование приведенного суждения И. А. Ильин выдвигал несколько аргументов.

Во-первых, правосознание выступает связующим фактором между «внешним порядком» и «внутренними состояниями духа», механизмом создания «внешнего порядка» через «внутреннюю упорядоченность души». И. А. Ильин писал: «Оно [право] живет правосознанием и исполняет свое значение тем лучше, чем правосознание зрелее и совершеннее»².

Во-вторых, правосознание предстает в виде той области, проходя через которую, абстрактные нормы права приобретают конкретизированное воплощение: «Восприятие конкретной данности должно быть актом художественной справедливости; понимание отвлеченного правила должно покоиться на созерцании безусловной цели права... Но акт художественной справедливости и созерцание безусловной цели права могут быть доступны только нормальному правосознанию»³.

В-третьих, духовно-здоровое, творческое правосознание служит средоточием важнейших духовных, нравственных ценностей, свойственных естественному праву. Ученый писал о «творческом признании права», «которое, действительно, усматривает его [права] духовное достоинство, соблюдает свободу признающего духа и, в то же время, вливает энергию личной воли в преобразование положительного права; это признание получает значение правотворчества: обновление права рождается из той самой глубины, которая усматривает и знает его безусловное достоинство, так что признание получает форму борьбы за право, а борьба за новое право не колеблет духовного признания»⁴.

В-четвертых, здоровое и верное правосознание следует считать связующей силой, которая обеспечивает органическое единство автономии (т. е. индивидуализма), присущей природе человеческого духа, с одной стороны, и гетерономного порядка властвования – с другой. «Отвергнуть автономию личного духа – значит нарушить цель права и подорвать его жизненную силу, отвергнуть власть, значит разрушить средства, необходимые для этой цели, и пути, по которым эта сила идет к осуществлению... Индивидуальный дух должен влить свою автономию в строение и деятельность власти; а власть должна усмотреть в духовной автономии форму своего бытия, принцип своей жизни и цель своего дела»⁵.

В-пятых, право, выступая явлением «духовной солидарности, связующей человека с человеком... может существовать и действовать в жизни людей только тогда, если они чувствуют и понимают свою солидарность, т. е. не только сходство своих эгоистических влечений, но свою одинаковую заинтересованность в поддержании единого и общего всем порядка»⁶. Задачу людей со здоровым и зрелым правосознанием И. А. Ильин усматривал в том, чтобы преобразовывать всякий консенсус, достигнутый в рамках социальных взаимодействий, в «явление правовой солидарности».

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания / вступ. ст. И. Н. Смирнова. М., 1993. С. 211, 229.

² Там же. С. 229.

³ Там же. С. 230.

⁴ Там же. С. 231.

⁵ Там же. С. 232.

⁶ Там же. С. 232–233.

В-шестых, именно в «нормальном правосознании» И. А. Ильин видел фактор реального претворения в жизнь естественно-правовых идеалов «всемирного естественного братства людей» – как антитезу глобальным цивилизационным процессам «замыкания разобщенных правовых организаций», «противопоставления государства государству», крупных международных конфликтов. По его мнению, преодоление этих негативных процессов возможно через «верное понимание природы духа и природы государства». «Здоровое правосознание не только не отвергает государственного образа мыслей и патриотического чувства, но культивирует эти состояния как безусловно ценные и необходимые – не только для индивидуума, но и для государства, и не только для отдельного государства, но и для всего человечества в целом»¹.

И. А. Ильин, размышляя о духовных основаниях государственно-правовой жизни, продемонстрировал впечатляющую прозорливость: он был убежден, что, не имея надежной основы в духовно-нравственной сфере жизни людей, право обречено на крушение, а общество обязательно придет к потрясениям. Как отмечает В. Д. Зорькин, сегодня можно «привести множество высказываний современных философов и социологов, подчеркивающих, что право может быть действительно лишь в той мере, в какой ему удастся получить социальное признание (Пьер Бурдьё), что право должно быть способно доказать собственную легитимность в глазах граждан, обладающих во всех других отношениях разными взглядами (Юрген Хабермас) и т. д. Вряд ли кто-то будет сейчас спорить с тем, что эффективной является такая правовая система, которая обеспечивает легитимность правоустановления и правоприменения (включая толкование закона) в глазах большинства населения»².

Опираясь на приведенные суждения И. А. Ильина, нетрудно уяснить, как правосознание, являющееся одновременно и частью, и фактором правовой культуры, воздействует на сущность народовластия и, как следствие, народный суверенитет в механизме взаимодействия государства и общества.

Более того, в воззрениях И. А. Ильина четко просматриваются рациональные посылки для определения понятия «народ» в его конституционно-правовом (и более точно – естественно-правовом, надпозитивном) значении; для интерпретации ценностей правовой и социальной солидарности, понимаемой как общий смысловой контекст (и его юридизированный концепт), в русле которого протекает государственно-правовая жизнь социума; для очевидного вывода о том, что деформированное правосознание в его движении от индивидуального к общесоциальному (массовому) может стать ключевым фактором крушения правовых ценностей и принципов, метаморфической трансформации народного полновластия в нечто фиктивное или (что намного хуже) антиправовое.

Сегодня, как и в прежние времена, в нашей стране массовое правосознание демонстрирует искаженное восприятие общественно-политических реалий, в результате чего общество продолжает сталкиваться с повсеместными проявлениями правового идеализма либо (что еще хуже) правового нигилизма³.

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания. С. 233.

² Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. С. 16.

³ См., например: Белкин Л. М. Генезис правового нигилизма в контексте теорий бюрократизма // Государство и право. 2013. № 10. С. 13–22; Матузов Н. И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма // Там же. С. 5–12; Его же. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2. С. 3–16; Его же. Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. 2012. № 12. С. 2080–2089; Соловьев Э. Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: философ. альманах. М., 1990. С. 162–235; Туманов В. А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8. С. 52–58 и др.

Изложенное позволяет утверждать, что конституционализм в современной России по ряду признаков пока не является конституционализмом в его мировоззренческом, философском понимании, несмотря на декларируемое уважение к Конституции страны и явно выраженный либерально-демократический характер риторики официальных лиц.

Первоисточником такого несоответствия, вероятно, выступает несовершенство текста Конституции РФ (но не ее духа). Это и обуславливает ее безупречное истолкование в рамках различных стадий правореализационного процесса (включая правотворчество и правоприменение). На данную проблему реализации конституционных положений обращает внимание В. Д. Зорькин: «Разумеется, у нашей Конституции есть недостатки. В их числе – отсутствие должного баланса в системе сдержек и противовесов, крен в пользу исполнительной ветви власти, недостаточная четкость в распределении полномочий между президентом и правительством, в определении статуса администрации президента и полномочий прокуратуры. Конструкция ст. 12 Конституции дает повод к противопоставлению органов местного самоуправления органам государственной власти (в том числе представительным органам государственной власти), в то время как органы местного самоуправления по своей природе являются лишь нижним, локальным звеном публичной власти в Российской Федерации... Недостатки существуют и в разграничении предметов ведения и полномочий между Федерацией и ее субъектами»¹.

Различные аспекты укрепления и развития конституционализма в России сегодня оживленно обсуждаются и учеными, и политиками. Очередным импульсом для таких дискуссий в 2020 г. стала инициатива Президента РФ В. В. Путина о внесении в российскую Конституцию поправок, нацеленных на совершенствование регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти. Содержание этих поправок во многом коррелирует с тем условным перечнем несовершенств конституционного текста, который обозначил В. Д. Зорькин.

Смысл дискуссий о перспективах развития российского конституционализма состоит прежде всего в рациональной оценке «узких мест», препятствующих полноценной реализации ценностных установок российской Конституции или затрудняющих такую реализацию, а также в поиске путей преодоления этих препятствий. Однако нельзя не заметить, что у обширной части населения нашей страны в течение ряда последних лет серьезно снижается уровень доверия к власти. С. А. Авакьян называет несколько причин этого.

Во-первых, государство далеко не всегда надлежащим образом решает стоящие перед ним задачи. «Годы потери мощи государства, откровенная ориентация на ввоз товаров из-за рубежа вместо своего производства, концентрация экспорта на вывозе энергоресурсов, вложение заработанных на этом денег в зарубежные ценные бумаги, в результате чего страна оказалась на чужом крючке, особенно после вступления в ВТО, существенная утрата под влиянием западных „ценностей“ патриотической составляющей в нашей государственности привели к печальным результатам... Стремление нашего Президента отстаивать самостоятельность государства, полностью одобряемое народом, ведет к откровенным хотя и не вооруженным, но вполне агрессивным действиям против России... К тому же и социальные задачи государство реализует не лучшим способом. Процветает коррупция. У граждан нет уверенности, что их личная жизнь находится в без-

¹ Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 10 окт.

опасности, а персональные данные составляют тайну, правоохранительным органам мало кто верит»¹.

Во-вторых, усиливается бюрократизация различных институтов государственной власти и связанных с ними подсистем. Профессиональное чиновничество «неуклонно заменяется в России формированием касты управляющих – не всегда (мягко говоря) компетентных, но неуклонно остающихся у власти, только лишь перемещающихся из одного кресла на другое. Реально вновь возрождено то, что в советский период называли номенклатурой, иначе говоря, одни и те же люди беспрестанно крутятся в карусели, именуемой властью»².

В-третьих, состоялась и продолжает набирать обороты так называемая приватизация государства, которая сводится к весьма незатейливой «философии»: «Долго пользоваться благами власти и отдавать в частные руки то, что по праву, через государство, принадлежит всему народу»³.

Широко представленные в разных исследованиях и срезах итоги анализа реальной картины конституционализма в России, на наш взгляд, неутешительны: актуальное состояние российского правового порядка свидетельствует лишь о фрагментарной имплементации конституционных ценностей и идей. Это означает, что до подлинного конституционализма нам еще далеко. Схожее мнение высказывается многими современными учеными-конституционалистами (да и не только ими). Например, М. В. Глигич-Золотарева пишет: «Сегодня, как, впрочем, и в начале XX века, наблюдается... системный кризис традиционных государственных институций, в корне которого лежит несоответствие „трех китов“ современного общества и государства – демократии, парламентаризма и разделения властей – реалиям интенсивно меняющегося мира»⁴.

Мы убеждены в том, что сложившаяся общественно-политическая практика со всеми ее положительными и отрицательными сторонами есть прежде всего результат системных деформаций в конституционной балансировке общественной жизни. Поэтому необходимый баланс следует незамедлительно начать восстанавливать. Те шаги, которые предпринимаются сегодня для исправления сложившейся ситуации Конституционным Судом РФ и несколькими фактически действующими конституционными (уставными) судами субъектов РФ, по большей части дискретны: как правило, это акты точечного реагирования на конкретные правоприменительные ситуации. Такое положение вещей во многом предопределено спецификой института судебного конституционного нормоконтроля, функционирование которого не может и не должно приводить к девальвации роли законодательной власти (включая те институты, которые охватываются абстрактной формулировкой «конституционный законодатель»). Поэтому, несмотря на высокую значимость в правовой системе и авторитет актов судебных органов конституционного нормоконтроля, последний «не обеспечивает необходимой последовательности и системной непрерывности в выявлении, оценке и восстановлении нарушенного конституционного баланса в обществе, обеспечении конституционализма в соответствии с конституционной культурой нового тысячелетия»⁵.

¹ Авакьян С. А. Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах // Юридический мир. 2015. № 2. С. 23.

² Там же.

³ Там же. С. 24.

⁴ Глигич-Золотарева М. В. Верификация дефиниций конституционной науки vs. «увлечение общими местами» // Политика и Общество. 2009. № 5. С. 4.

⁵ Арутюнян Г. Г. Современный конституционализм: парадигмы реальности и вызовы // Современный конституционализм: вызовы и перспективы. С. 28.

С учетом сделанных выше выводов призывы некоторых коллег-ученых и политиков «начать все с чистого листа» – переписать Основной закон страны, руководствуясь принципом *tabula rasa*, – не заслуживают и малейшей поддержки: причина сложившихся реалий вовсе не в тексте Конституции РФ или его отдельных неточностях. Прав В. Д. Зорькин, утверждающий, что в конечном счете «нам придется восстанавливать право. Причем именно на общечеловеческом уровне. И вот когда мы вернемся к построению права как одной из основ подлинно человеческого бытия, мы обязательно должны будем задаться вопросом, а не находится ли в основе основ нынешнего бесправия принцип табула раса, не лежит ли в его основе какая-то ужасная теоретическая ошибка, породившая перерождение современной западной цивилизации?»¹.

В современной России преодоление диссонанса между провозглашенной моделью конституционализма и сложившимися общественно-политическими и государственно-правовыми практиками должно осуществляться на основе бережного учета и широкого использования сохранившихся в нашем обществе неписаных требований духовно-нравственной регуляции, поскольку именно они в состоянии восполнить недостающую эффективность правового нормирования. Очевидно, что в правовом государстве всякая норма права может существовать только как элемент конституционно взвешенной, сбалансированной системы правовых и морально-этических требований к взаимодействию человека и публичной власти.

Отсюда следует, что конституционализм нужно трактовать не только и не столько как абстрактную идею, в соответствии с которой необходимо осуществлять конституционное строительство в государстве, а гораздо шире – как базисный принцип государственно-правовой регуляции общественной жизни. Конституционализм детерминирует суть взаимодействий индивидов и общественно-политических институтов, характер рационального сосуществования наций и государств во времени, степень зрелости правовой культуры и социальных отношений, а также качество их правового нормирования, соотношенность последнего с духовно-нравственными ценностями общества. Конституционализм в мировоззренческом восприятии – это прежде всего идеал саморегулирования в цивилизованном обществе; к этому идеалу и следует стремиться Российскому государству.

Список литературы

Авакьян С. А. Конституционализм и бюрократизация власти // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2014. № 1.

Авакьян С. А. Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах // Юридический мир. 2015. № 2.

Авакьян С. А. Точка отсчета – народ // Российская газета. 2006. 26 окт.

Арутюнян Г. Г. Современный конституционализм: парадигмы реальности и вызовы // Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) / отв. ред. В. Д. Зорькин. М., 2014.

Белкин Л. М. Генезис правового нигилизма в контексте теорий бюрократизма // Государство и право. 2013. № 10.

Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011.

Глигич-Золотарева М. В. Верификация дефиниций конституционной науки vs. «увлечение общими местами» // Политика и Общество. 2009. № 5.

Егоров С. А. Конституционализм в США: политико-правовые аспекты. М., 1993.

¹ Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. С. 188.

Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 10 окт.

Зорькин В. Д. Проблемы конституционно-правового развития России (к 20-летию Конституции Российской Федерации) // Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) / отв. ред. В. Д. Зорькин. М., 2014.

Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России: моногр. М., 2015.

Ильин И. А. О сущности правосознания / вступ. ст. И. Н. Смирнова. М., 1993.

Кравец И. А. Конституционализм: устойчивость власти и общественного развития. Новосибирск, 1994.

Матузов Н. И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма // Государство и право. 2013. № 10.

Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2.

Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. 2012. № 12.

Соловьев Э. Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: философ. альманах. М., 1990.

Топорнин Б. Н. Конституционная реформа – путь к правовому государству // Советское государство и право. 1990. № 4.

Туманов В. А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8.

Эбзеев Б. С. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Государство и право. 2016. № 4.